

ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ПРАВАХ ДВОРЯНСКОГО СОСТОЯНИЯ МОРДОВСКИХ КНЯЗЕЙ И МУРЗ в последней четверти XVIII – начале XIX в.

А. Н. ДЕМИДОВ,

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и теории мировой культуры ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»
(г. Самара, РФ)*

Социальное положение служилой мордвы, мордовских князей и мурз – малоизученный сюжет мордовской истории. Представители мордовского служилого класса активно рекрутировались русской царской администрацией для несения станичной службы в районе засечных черт Алатырского, Симбирского и Пензенского уездов. С преобразований императора Петра Великого для служилой мордвы начался сложный путь социальной эволюции. Лишь небольшая ее часть сумела удержаться в благородном сословии, большинство потомков мордовских князей и мурз вошли в состав государственного крестьянства. Процесс вхождения был длительным и сопоставимым с деклассированием русских однодворцев. Мордовские князья и мурзы вели многолетнюю борьбу за восстановление прав дворянского состояния¹.

Более подробно рассмотреть процесс трансформации мордовских мурз мож-

но при исследовании их прошений о восстановлении прав дворянского состояния. Само наличие прошений со стороны мурз говорит о том, что они не смирились со своим положением в податном крестьянском сословии и не были готовы без борьбы расстаться с более высоким социальным положением. Мордовское происхождение дворянских родов Мордвиновых и князей Енгальчевых исследовали мордовские историки Н. Ф. Мокшин и Н. В. Заварюхин [11; 12]. В российской исторической науке прошения потомков служилых иноверцев анализируются в рамках изучения служилых татар и формирования татарского дворянства [13]. Так, уфимский историк И. Р. Габдуллин в работе «Формирование татарского дворянства в конце XVIII — первой половине XIX в.» рассматривает процесс аноблирования потомков татарской аристократии, не принявших православие, и отмечает массовый характер прошений татарских князей и мурз, в качестве нормативной базы использующих Указ 1784 г. и Жалованную грамоту дворянству 1785 г. Ученый свидетельствует об отрицательном результате подавляющего большинства обращений, о предвзятом отношении российской имперской администрации и Короны² к прошениям, которые могли быть отклонены на различных эта-

¹ Теоретические основания понятия «восстановление в правах состояния» не рассматривались подробно, в сравнительно-юридическом аспекте используются понятия: «восстановление» и «реставрация»; «восстановление» или «пожалование»; «реабилитация» и «реституция». С правовой точки зрения более правильно говорить о признании (recognition) со стороны Императора и Государства (Суверена) прав мордовских князей и мурз – именно это понятие отвечает их классовым интересам, но в Своде законов Российской империи получило закрепление понятие «восстановление в правах дворянского состояния». Аналогичный пример восстановления мы находим в среде шотландского и ирландского дворянства, князья мордовские близки к статусу Chief of the Name (older English – Captain of his Nation).

© Демидов А. Н., 2016

² Корона, или Император, или Суверен – здесь и далее обозначение института власти, поэтому пишется с заглавной буквы.

пах прохождения от обсуждения в дворянских депутатских собраниях и представления губернатором до решения Герольдмейстерской конторы или Императора. По его сведениям, в основном потомки татарской знати были не крупными землевладельцами, породившими феномен «лапотных мурз». Среди татарских мурзинских прошений И. Р. Габдуллин выделяет башкирские, мещеряцкие и мордовские мурзинские прошения [1].

Нормативной базой прошений о восстановлении прав состояния дворянства мордовских мурз до составления Свода законов Российской империи служили Указ 1784 г. и Жалованная грамота дворянству – на них в первую очередь ссылаются просители [9]. Особенностью прошений служилых татар и мордвы является опора помимо Жалованной грамоты дворянству на Указ 1784 г. Он приводится служилой мордвой, хотя никаких указаний на нее не имеет, – это доказывает самочувствование служилой мордвы в качестве однопорядковой категории со служилыми татарами.

В исследуемый период – правления императрицы Екатерины II, императоров Павла I и Александра I – **порядок доказывания** прав дворянского состояния только формировался. В завершённом состоянии он представлен в Своде законов Российской империи, во многом под влиянием многолетней практики рассмотрения прошений служилых иноверцев, дворян и однодворцев [19].

Процессуальная сторона восстановления прав состояния дворянства формировалась на протяжении второй половины XVIII – первой четверти XIX в., в ней можно выделить четыре этапа. Первый носил подготовительный характер: проситель собирал доказательную базу для своих притязаний на благородное происхождение и последующей документации родословной. Подготовительный этап мог занимать длительное время. Несомненно, работа, проделанная на данном этапе, была наиболее важной: от качества, количества документов зависел исход всего дела. Собранный матери-

ал позволял приступить к составлению родословной и написанию прошения. Прощение открывало второй этап – представление документов в дворянское депутатское собрание³. Оно могло быть составлено на имя Императора и обращено к депутатам дворянского собрания. Если решение дворянского депутатского собрания носило положительный характер, то дело отправлялось к губернатору для последующей передачи в Правительствующий сенат. Вслед за тем начинался третий этап – рассмотрение в Герольдмейстерской конторе и Сенате. Четвертый этап – в случае положительного решения Сената – был связан с утверждением герба и выдачей диплома. В процессе принимали участие многочисленные судебные инстанции дореформенной Российской империи: нижний земский суд, уездный суд, палата гражданских дел. В судах заверялись справки, полученные из архивов, родословные и другие документы, прилагаемые к прошению, иногда в суде хранились необходимые доказательства: отказные, межевые книги, десятни и др.

Всего было обнаружено и исследовано семь прошений представителей мордовских княжеских фамилий: князей Мокшадеевых и мурз Атяевых (князей Ичаловых) в Центральном государственном архиве Самарской области [22], князей Ичаловых, князей Казуровых, коллективное прошение князей Ичаловых, князей Ногаевых, князей Розгильдеевых в Государственном архиве Пензенской области [4], два прошения от князей Ромадановых в Российском государственном архиве древних актов [17].

Прощение князей Мокшадеевых сохранилось вместе с прошением мурз Атяевых–Ичаловых в составе одного дела «По прошению Симбирского наместничества Ставропольской округи сельца Сухого Оврага из мордовских мурз Ермолая, Спиридона, Егора, Михаила и Лазаря Осиповых детей о возвращении им

³ В правление Павла Петровича порядок изменился, прошения следовало подавать на имя Императора.

утраченного предками их дворянского достоинства»⁴.

Прошение, как и полагалось, начиналось с обращения к императрице, затем следовал рассказ о прадедах Василии и его сыне Мамкае Васильеве сыне Машкадееве⁵ из мурз, которые были в «давних годах за службу по Государеву Цареву и Великого князя Феодора Алексеевича... указу» жалованы в Пензенском уезде селе Сабаново поместьем и денежным окладом. В качестве доказательства просители приводят запись в Пензенских десятинах, «отказное свидетельство» (отказную грамоту), справку из II ревизии, родословную роспись и на все перечисленные документы просят разрешения взять копии «ис Пензенского уездного суда» [22, л. 2–2 об.]. Составлен и подписан документ «вместо вышеописанных мурз Ермолая, Спиридона, Егора, Михайлы, Лазыря Осиповых детей» ясачным крестьянином Романом Егоровым, вероятно по безграмотности мурз.

В деле содержится еще одно прошение от 19 июня 1789 г. на имя императрицы Екатерины Великой, которое является подтверждением нашей версии о том, что перед подачей основного прошения о включении в Дворянскую родословную книгу была проведена предварительная работа. Прошение подано одним из братьев «из мурз новокрещеном Ермолаем Мокшадеевым» [22, л. 4]. Мурза Ермолай Мокшадеев сообщает в прошении, что отец его Осип Матвеев и дед Матвей Мамкаев были во II ревизию положены в подушный оклад – «написаны были общей с мордовскими мурзами», а между тем прадед просителя мурза Мамкай Васильев сын Мокшадеев с «прочими того села <Сабаново> мурзами» жалован и в Пензенских десятинах записан поместьем окладом по сто четвертей и денежным по пять рублей. Во втором абзаце прошения Ермолай Осипов просит раз-

решить ему получить копию Пензенских десятен (в документе – «дворянских десятен») в Пензенском уездном суде [22, л. 4–4 об.].

В деле к прошению приложены выписка из II ревизии, где указана принадлежность мордовских мурз к ведомству Адмиралтейства, выписка из Пензенских десятен о наделении Мамкай Васильева князя Мокшадеева поместьем и денежным окладом по указу царя Феодора Алексеевича, родословная князей Мокшадеевых, составленная на основе имеющейся выписки, в которой родоначальником выведен Василий сын князь Мокшадеев. В родословной отсутствует Матвей Мамкаев, его сын Осип указан сыном Мамкай Васильева – этот очевидный просчет стал одной из причин отказа о внесении в Дворянскую родословную книгу. Другой причиной послужила неполная документированность родословной. В деле отсутствуют материалы Ландратской переписи и I ревизии. Переход от Матвея Мамкаева к Мамкаю Васильеву осуществлен в родословной по сведениям, а не на основании письменного документа.

В дальнейшем в практике отказов по прошениям о восстановлении в правах дворянского состояния отсутствие документирования одного из поколений станет наиболее популярным поводом. Тем не менее в деле князей Мокшадеевых обвинять в пренебрежительном отношении Симбирское дворянское депутатское собрание не приходится. В деле сохранилась переписка дворянского собрания с Адмиралтейством с целью выяснить местонахождение I ревизии [22, л. 6–6 об.]. Разыскать I ревизию не удалось, Адмиралтейство сослалось на пожар как причину гибели документа. Запрос в Адмиралтейство может быть объяснен принадлежностью мордовских мурз Засурского стана, Узинского стана Пензенского уезда, Завального стана Симбирского уезда к лашманной повинности ведомства Адмиралтейства. Несмотря на очевидные косвенные доказательства, например принадлежность к лашманной повинности ведомства Адмиралтейства,

⁴ Сельцо Сухой Овраг – современное село Сухие Аврали Ставропольского района Самарской области.

⁵ На различное написание фамилии указывал Н. В. Заварюхин, возможные варианты: Мокшадеевы, Мушкубеевы, Мокшабеевы и Мошкадеевы.

и прямое указание в Пензенских десятиях, Симбирское дворянское депутатское собрание приняло решение в просьбе отказать.

В известном источнике по истории дворянства – Пензенских десятиях – «первой родословной книге пензенских дворян», как называет ее пензенский историк И. А. Тихомиров [21], неоднократно цитируемом и приводимом в судах в качестве доказательства прав состояния дворянства, из рода мурз и князей Мокшадеевых (Мушкубеевых) упоминается шесть представителей [6, 41–42]. В Пензенской десятне 1677 г.: «Июня в 13 день, нынешнего 189-го года, поверстаны по Пензе Мордовские мурзы: по 200 четей и 7 рублей Емельян мурза Федоров сын, князь Мушкубеев, Карп Родионов сын, князь Мушкубеев <...> мордовские мурзы: по 150 четей денег с городом по 6 рублей Савва Иванов сын, князь Мокшадеев, по 100 четей и денег с городом 5 рублей Мамкай Васильев сын Мокшадеев, Шайдар (Шадур) Акшеев сын, князь Мокшадеев» [6, 41]. Материал Пензенских десятиен наглядно свидетельствует об участии князей и мурз Мокшадеевых в служении Российскому государству.

Разночтения в именах служилой мордвы осложняют установление личности и родственных связей. Причиной разночтений могли быть сложные для русского писца имена мордвы. Исследователь мордовских древностей А. А. Гераклитов писал, что разночтениями полны копии XVIII в. [2]. Фамилии князей Мокшадеевых и Мушкубеевых отождествлял мордовский историк Н. В. Заварюхин [10; 11]. В пользу отождествления говорят акты мордовских землевладельцев, опубликованные в «Документах и материалах по истории МАССР» [8, 318, 344]. В них князья Мушкубеевы называют своим дедом Сабана мурзу Разгильдеева. Есть все основания полагать, что упомянутый мурза Сабан Разгильдеев – неверстаный мурза из д. Ичалки Козевельского беляка Писцовой книги татарским помещным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов Дмитрия Пушечникова

и Афанасия Костяева, владения которого располагались рядом с владениями мурзы Михайлы Атяева, родоначальника князей Ичаловых и мурз Тумая и Вельдюша Текюшевых, родоначальников князей Ногаевых. Родство с мурзой Сабаном Разгильдеевым объясняет испомещение князей и мурз Мокшадеевых в с. Сабаново вместе с князьями Ичаловыми, Ногаевыми, Разгильдеевыми, Сабановыми. Имя мурзы Сабана Разгильдеева встречается во множестве разночтений: Сабай мурза Енгильдеев деревни Ичалки в материалах А. А. Гераклитова, Сабан Агильдеев, Енгильдеев, Гингильдеев в «Документах и материалах по истории Мордовской АССР» [8, 317–320]. В собрании рукописей А. А. Гераклитова представлено звание Сабана Розгильдеева [3, 91].

Впоследствии потомки ичалковских мурз сформировали группу «сабанча» – сабановских мурз. Разные оклады можно объяснить тем, что князья Мушкубеевы были новокрещенами, а следовательно, жалованье их было гораздо более щедрым за переход в православие.

Вместе с прошением мурз Мокшадеевых в самарское дело вошло прошение мурз Атяевых, самарской ветви князей Ичаловых: «Самарского уезда села Богоявленского, Кобельма тож Егора, Ефрема, Федора Михайлова»⁶. Среди обнаруженных семи прошений мордовских княжеских родов наибольшее количество прошений – два индивидуальных и участие в коллективном – рода князей Ичаловых.

Открывает дело прошение на имя императрицы Екатерины Великой, поданное 4 июля 1789 г., таким образом, это самое раннее из рассматриваемых прошений мордовских мурз и князей. По содержанию и стилю изложения прошение аналогично прошению-обращению мурз Мокшадеевых, за исключением того, что родословная в кобельминском деле гораздо старше. В челобитной «из мордовских мурз Ефрем, Федор и Егор Михай-

⁶ Кобельма (Кобельна, Кабельна), Богоявленское – современное село Калиновка Красноярского района Самарской области.

ловы, Леонтий и Петр Васильевы дети Атяевы» пишут: «За предка нашего Безсона Михайлова сына Атяева по Государеве Цареве и Великого князя Алексея Михайловича... грамоте отказано земля восемьдесят четвертей» [22, л. 7–7 об.]. В копии отказной грамоты 4 декабря 7182 (1673) г. указаны «алаторские мордовские мурзы Безсонка Михайлов сын Атяев и Богдашка Велдюшев сын Текюшов», которым велено «отделить» поместье отцов их мордовских мурз Михайлы Атяева и Тумайки и Велдюшки Текюшовых. Следовательно, родословная Атяевых удлинняется еще на два поколения вглубь ко временам царей Иоанна Васильевича Грозного и Федора Иоанновича. К челобитной прилагается обращение на имя императрицы Екатерины Алексеевны с просьбой выдать копии **II ревизии мордовских мурз 1745 г.** Документ датирован 26 марта 1789 г., что так же, как и в предыдущем деле, позволяет предполагать более раннее начало сбора доказательств и делопроизводства [22, л. 8].

Далее состав документов и ход материалов дела тот же, что и в деле мурз Мокшадеевых: выписка 1745 г. о убылых после **I ревизии, выписка из сказки II ревизии**, решение Симбирского дворянского собрания о справке из Адмиралтейства, решение палаты гражданского суда в дворянское собрание: передать копию отказной 7182 (1673) г. просителям, копия отказной грамоты царя и великого князя Алексея Михайловича алатырским мордовским мурзам, делопроизводственное письмо от Палаты гражданского суда, письмо-запрос Симбирского дворянского собрания в Адмиралтейство (черновик), ответ из Адмиралтейства о том, что ничего не обнаружено в книгах по Симбирскому уезду [22, л. 11–12 об.].

Ссылка Адмиралтейства на книги по Симбирскому уезду несколько удивляет: служилые мурзы Атяевы происходили из Засурского стана Пензенского уезда, а подавали документы по новому месту жительства в Ставропольском уезде. Достойна замечания справка, анало-

га которой нет ни в одном деле: «По силе Указа Ея Императорского Величества из Симбирского наместнического правления октября 18 числа в здешний земский судь присланного судь сей оному собранию доносит что жительствующие Самарской округ в селе Кобелме из мордовских мурзь Ефремъ Федоръ и Егоръ Михайловы Леонтий и Петръ Васильевы дети Атяевы такъ и претки ихъ ни в каких пороках и подозрениях и за то в наказанияхъ не бывали и состояния они доброго» [22, л. 18]. Справка засвидетельствована в Самарском нижнем земском суде.

По Жалованной грамоте, дворяне моли быть лишены своего положения за следующие преступления: «1. Нарушение клятвы. 2. Измена. 3. Разбой. 4. Воровство всякаго рода. 5. Лживыя поступки. 6. Преступления, за кои по законам следовать имеет лишение чести и телесное наказание. 7. Буде доказано будет, что других уговаривал или научал подобныя преступления учинить». С допетровских времен сложилась практика, согласно которой проситель, ищущий поместья или отстаивающий благородное происхождение, должен был доказать, что поместья и дворянство отняты у него не за преступления. Справка должна была разрешить сомнения дворянского депутатского собрания в добропорядочности просителей и их предков. В отсутствие документированных оснований благонадежности предков суд выступал гарантом истинности заявлений просителя, поэтому выдавал справку и относительно предков тоже. От установленного порядка бывали отступления: если мурза выключался из подушного оклада по решению Императора, то сомнений в его благонадежности не было, несмотря на «воровской» характер пожалования. Например, мурза Девлеткильдеев, представитель знаменитого княжеского татарского рода, был выключен из подушного оклада и признан в дворянском достоинстве указом императрицы Екатерины II **19 мая 1775 г.** В число документов, представленных им в Герольдию, входила копия отказной грамоты Дмитрия Самозванца на княжение над

чепчерской мордвой. Малоположительная репутация правителя никак не повлияла на ход дела, мурза Девлеткильдеев был включен в российское дворянство [17, кн. 79, л. 435–463]. Император (Суверен, Корона) являлся основным источником чести, и его решение могло отменить всякий бюрократический формализм и предупредить всякие сомнения.

Решение в деле мурз Атяевых не сохранилось, но, как свидетельствует переписка Самарского и Симбирского дворянских депутатских собраний, откуда были переданы дела в связи с учреждением Самарской губернии, дело было сдано в архив, в связи с чем его следует считать решенным [5].

«Дело о доказательствах дворянства состоящего в подушном окладе Городищенской округ села Сабаново из мурз мордовских новокрещенного Ивана Максимова сына Ичалова» – наиболее объемное и содержательное [4, д. 1062]. Оно открывается прошением 1793 г., но очевидно, что готовилось задолго до указанного года. Самый ранний документ ссылается на 1788 г. Тот факт, что работа над родословной книгой пензенского дворянства началась стараниями губернского предводителя Алексея Емельяновича Столыпина только в 1787 г., доказывает заинтересованность и оперативность мордовских мурз в деле о восстановлении прав состояния дворянства.

Вероятно, решение добиваться восстановления прав дворянского состояния было принято совместно сабановскими мурзами. Это объясняет почти одновременную подачу прошений. Однако согласованной ее назвать сложно: многие документы, представленные князем Иваном Максимовичем Ичаловым, отсутствуют в прошениях кобельминских и сухоавральских мурз, например материалы ранних переписей.

Дело открывается не прошением на имя императрицы, а «объявлением», поданным в «Пензенской губернии господам губернскому предводителю дворянства и избранным от уездов к составлению и продолжению дворянской ро-

дословной книги дворянским депутатам», 23 января 1793 г. Возможно, причиной изменений послужил новый порядок подачи прошений, сначала в дворянское депутатское собрание, а затем в Сенат. В «объявлении» «из мурз новокрещен» Иван Максимов сын Ичалов указывает, что его прошение подано вследствие «отъ Ея Императорскаго Величества жалованной российскому благородному дворянству на права волности и преимущества грамоты 785 года апреля 21 дня». Далее проситель приводит доказательство: запись в Пензенских «дворянских» десятнях, копию отказных на унаследованную землю от деда Мурзакая Безсонова сына князя Ичалова в с. Сабаново, выданную в Городищенском уездном суде, – это новое обстоятельство [4, д. 1062, л. 1–2]. По всей видимости, проситель полагал, что важен факт владения землей по настоящее время, а не просто верстание предка в прошлом. Впервые в прошении мордовских мурз указывается, что предок положен в подушный оклад в 1718 г. (по материалам Ландратской переписи. – *А. Д.*), но причина этого события не указана, упоминаются II, III, IV ревизии. По результатам переписей составлена родословная. Продолжая рассуждать о причинах положения в подушный оклад, «не прося до селе о выключении из онаго, по *безгласности* нашей» [4, д. 1062, л. 1 об.], князь Ичалов просит принять доказательства и рассмотреть их. Подписан документ сыном просителя мурзой Федором Ивановым сыном Ичаловым. Прошение было принято 28 января 1793 г., решение вынесено только через 6 лет, 14 января 1799 г.: «Его Императорского величества указом 16-й день августа 1798го года Правительствующему Сенату данным Высочайше повелено: однодворцам, имеющим поместья, остаться навсегда в сем состоянии. То за силой сего Высочайшего повеления однодворческих дел о доказательстве дворянства производить уже невозможно» [4, д. 1062, л. 3].

То, что новокрещену из мордовских мурз было отказано на основании зако-

нодательных актов, регулирующих жизнь однодворцев, во многом объясняется отсутствием достаточной нормативной базы и практики восстановления прав дворянского состояния. На это указывают различные варианты определения самого процесса перехода в дворянство: перейти в «свойственное нам состояние», обратиться в «первобытное состояние», возвести «в дворянское достоинство». Понятие «восстановление прав дворянского состояния» было закреплено только в Своде законов Российской империи [19]. В Жалованной грамоте дворянству не оговаривалось, какие сословия могут (или не могут) просить восстановления в правах. Целью Грамоты было закрепить формально-юридически права тех, кто по факту ими обладал, сомнительно, чтобы Корона рассчитывала на эффект восстановления.

Понятие «мордовские мурзы» отсутствовало в законодательстве, последний законодательный акт, где встречается упоминание служилой мордвы вместе с татарами, – Соборное уложение царя Алексея Михайловича: «А которые земли исстари бывали русских людей поместные земли, и много лет лежали в пусте, в прошлых годах на тех порозжих землях поселилися татаровя и мордва по дачам по Государевым грамотам <...> и с тех земель Государеву службу служат: и у них тех земель не отнимать» [15]. Поэтому в делах о восстановлении мордовские мурзы опираются на Указ 1784 г., в котором ничего не сказано о мордовских мурзах. Но если аналогия или отождествление со служилыми татарами как с самой большой и выразительной группой иноверцев понятна и исторически оправдана, то аналогия с однодворцами не вполне ясна. В XVIII в. под однодворцами понималась группа потомков служилых людей допетровской эпохи, наиболее близкая в социальном аспекте дворянству, но не сумевшая удержать благородство; в XIX в. однодворцы составили особую этнографическую группу русского народа – таков был исторический путь однодворцев Центральной России.

История однодворческого сословия в Поволжье несколько отличалась от истории однодворцев Центральной России. В пензенском крае в социальную группу однодворцев в начале XVIII в. вошли новокрещены из служилой мордвы, еще сохранявшие память о своем этносоциальном происхождении. По этой причине для пензенских чиновников и дворянства было естественно использовать правовое положение однодворцев по аналогии применительно к мордовским мурзам. Еще одним обстоятельством, побудившим к аналогии мордовского мурзы и князя И. М. Ичалова с однодворцами, могло стать то, что наиболее многочисленной категорией просителей о восстановлении прав дворянства были однодворцы. Причиной аналогии закона могла явиться и близость просителя к однодворческому сословию и образу жизни: так же, как и однодворцы, он исповедовал православие в отличие от многочисленных просителей из некрещеных татар, его жена происходила из однодворческого состояния, для представителей которого было характерно ощущение своего особенного положения в сравнении с другими государственными крестьянами и ясачной мордвой.

Возобновление прошения связано с восшествием на престол нового императора Александра I и фактической отменой многих указов его предшественника⁷. Князь Иван Максимович Ичалов, решив продолжить борьбу, просит вернуть дело из архива Пензенского дворянского депутатского собрания, о чем имеется прошение 13 июня 1802 г. выдать дело из архива для передачи его в Герольдию. Павел I полагал, что только Император может быть источником чести, благородного состояния, и требовал рассмотрения дел о дворянстве исключительно в Герольдии. В новом прошении 14 марта 1804 г. князь Ичалов, ссылаясь на сенатский указ о рассмотрении дел о мурзинских родах

⁷ К. П. Победоносцев указывает время действия указа от 16 августа 1798 г. до 1801 г., но формально однодворцам разрешили доискиваться дворянства лишь с 1804 г.

(мордовский мурза прибегает к аналогии закона с делами мурз и татар) в дворянских депутатских собраниях, просит вновь рассмотреть дело, выданное ему в 1802 г., и исключить его из подушного оклада – это был первый этап в восстановлении прав дворянского состояния [4, д. 1062, л. 5–7 об.]. Большая часть содержания дела, как и в предыдущих случаях, приходится на документы, связанные с собиранием доказательств прав дворянского состояния.

В качестве доказательства князь Ичалов приводит копии отказных грамот, заверенные в Городищенском нижнем земском суде, вместе с документами на владение 65 четвертями земли и подробной историей их наследования от мурзы Мурзакая Безсонова сына князя Ичалова. Из копии решения суда, изложенной на трех листах, мы узнаем о большой подготовительной работе, проделанной князем Ичаловым: он «приискал» Пензенские десятины и отказную грамоту 7194 (1685) г., получил копии в Городищенском уездном суде. В решении новокрещен из мордовских мурз И. М. Ичалов представлен как исконный владелец собственного поместья, пожалованного за службу его предкам, земли которого носят, как минимум, четвертной характер, не связаны с общинным землевладением и принадлежат потомкам князя М. Б. Ичалова. Подробно описаны семейные разделы, в результате которых поместье Ивана Максимовича приобрело вид 65 десятин, а в состав владения вошли земли «в поле», сенные покосы, «огородные и погуменные», «скотинный выпуск» [4, д. 1062, л. 8–11 об.]. Факт верстания за службу его предка упомянут неоднократно – согласно Жалованной грамоте дворянству 1785 г. в качестве доказательств принимались не просто пожалование земель, а за службу. Обозначенный четвертной характер земель сближал мордовского князя с однодворцами, хотя в сохранившихся материалах ревизий они обозначены как мордовские мурзы или новокрещены из мордовских мурз. В материалах прошения в последнем экстрак-

те указано, что мурза И. М. Ичалов «стоит в однодворческом подушном окладе» [4, д. 1062]. Четвертной характер земель мордовских мурз отмечен не только в прошении князя Ичалова, но и в наказах Новоуложенной комиссии от мордовских мурз: «Жалованы мордовским мурзам четвертные пашенные земли и всякие угодья по равному числу на человека четверти» [7, 161].

Из копии отказной грамоты 30 октября 7194 (1685) г. царей Иоанна и Петра Алексеевичей и правительницы царевны Софьи Алексеевны следует, что по челобитной мордовских мурз им отведена земля вдоль рек Айвы, Веж-Айвы на территории будущего села Сабаново Городищенского уезда (ныне Никольского района Пензенской области). Исполнение мордовских мурз князей Мокшадеевых, князей Ичаловых, князей Разгильдеевых, князей Ногаевых можно считать началом возникновения поселения Сабаново, названного, видимо, по имени прародителя князей Мокшадеевых и Разгильдеевых [4, д. 1062, л. 9]. В отказной упомянуты уже знакомые нам по предыдущим прошениям мурза Мамкай Васильев Мокшадеев и мурза Мурзакай Безсонов князь Ичалов.

Родословная мордовского мурзы Ивана Максимова Ичалова восходит к князю Мурзакаю Бессонову сыну Ичалову, каждое поколение документировано выписками из ревизий. Материалы I ревизии не представлены, как в прошении мурз Мокшадеевых и Атяевых, но есть материалы Ландратской переписи 1718 г., в которых присутствуют имена мурз Тетюша Безсонова, брата князя М. Б. Ичалова, и его детей Вердяна и Буяна, в крещении Михаила Васильева – отца просителей мурз Атяевых. Именно этой переписи не хватало для документирования родословной мурз Атяевых и связывания мурзы Безсона Михайлова с кобельминскими просителями [4, д. 1062, л. 12 об.].

Помимо родословной в деле присутствует форма, установленная императором Павлом Петровичем, в которой указаны имя дворянина, семейное положение

ние, количество детей мужского и женского пола, их семейное положение, размер поместья, количество дворовых и крепостных душ, место проживания, чин и род службы. Благодаря этой форме мы можем познакомиться с женской частью рода мордовских мурз и князей Ичаловых, в предыдущих делах женщины в родословной отсутствовали.

На момент заполнения формы мордовскому мурзе Ивану Максимовичу Ичалову исполнилось 74 года, он был женат вторым браком на однодворческой дочери Анне Ивановне Недарубовой из с. Садам Городищенского уезда еще до III ревизии, поэтому социальное происхождение первой жены отследить невозможно. От обоих браков у него было два сына и пять дочерей. Старший сын мурза Петр Иванович, находившийся в рекрутах и впоследствии погибший, был женат на Авдотье Алексеевне, однодворческой дочери из Садома. Второй сын мурза Федор Иванович, помогавший отцу собирать документы, – женат на Авдотье Павловне, священнической дочери из пригорода Аргаш Симбирского уезда. Дочери: Ирина замужем за новокрещеном из с. Вышелей, Мария – за новокрещеном из с. Сабаново, Евдокия – за новокрещеном из д. Балук [4, д. 1062, л. 16–25]. Налицо стремление семьи мордовского князя к социальной эндогамии: все его невестки – не из ясачных крестьян, а зятя – из мордовских мурз, так как все перечисленные поселения мурзинские.

Такая строгая социальная эндогамность была характерна не для всех семей мордовских князей и мурз. Анализ сказки с. Сабаново III ревизии показывает, что мурзы вступали в браки с ясачными крестьянами преимущественно близлежащих сел Пермиево, Карамала, Старая Селя и др. Не всегда мурзы стремились дать образование своим детям: мурзы Мокшадеевы и Атяевы не были грамотными, князь Иван Максимович Ичалов – тоже, но вот его дети грамоте были обучены. Таким образом, можно заключить, что проситель очень хотел следовать нормам и ценностям благородного сословия.

Дело потомка мордовских государей мурзы Ивана Максимова сына Ичалова увенчалось определенным успехом: Пензенское дворянское депутатское собрание постановило исключить его из подушного оклада и обратиться к губернатору за дальнейшим ходатайством по прошению в Герольдию. Текст представления на имя пензенского гражданского губернатора Ф. Л. Вигеля от пензенского предводителя и дворянских депутатов приложен к решению собрания [4, д. 1062, л. 40–40 об.].

Прошения мордовских князей не принесли пользы просителям, несмотря на огромные усилия, ими приложенные, но для потомков – это бесценные свидетельства борьбы за права мордовской национальной аристократии.

Дальнейшую судьбу дела проследить невозможно, но, судя по отсутствию в алфавитах ф. 1343 Российского государственного исторического архива дела князей Ичаловых, оно не было представлено в Герольдию и Сенат.

В «Деле о отыскивании дворянства однодворцами из мурз и князей Ичаловыми, Ногаевыми и Разгильдеевыми Городищенского уезда села Сабаново, всего 28ю человеками и об отказе им в оном» снова просителями выступают сабановские мурзы и князья, но на этот раз дело носит коллективный характер, так как прошение подано представителями трех родов [4, д. 1063]. Дело длилось в течение четырех лет, с 27 января 1795 г. по 14 января 1799 г., подготовительная работа, как следует из материалов прошения, была начата приблизительно за полгода – такой короткий период, возможно, объясняется согласованным действием с другим просителем, князем И. М. Ичаловым. Указание на однодворцев в заголовке дела также говорит в пользу сходного с прошением князя И. М. Ичалова рассмотрения. Согласованность действий князя И. М. Ичалова и князей Ичаловых, Ногаевых, Разгильдеевых видна в использо-

вании одинаковых по содержанию доказательств: Отказной грамоты 7194 г., выписки из Пензенских десятиен, Ландратской переписи, сказок II, III, IV ревизий. Мурзы обратились с просьбой, которая носит вполне конкретный характер: рассмотреть доказательства и на их основании выключить их из подушного оклада. Подписал прошение мурза Федор Иванов сын Ичалов, сын князя Ивана Максимовича Ичалова. К прошению приложена доверенность 28 мурз на имя мурз Федора Ивановича Ичалова (сына князя И. М. Ичалова) и Степана Клементьевича Ичалова, составленная и заверенная в Городищенском уездном суде. Участие мурзы Федора Ивановича Ичалова свидетельствует о принадлежности его семьи в конце XVIII в. к «лучшим людям» среди сабановских мурз. К прошению приложены родословные князей Ногаевых – родоначальник Федор Нечаев сын князь Нагаев; родословная князей Разгильдеевых – родоначальник Живай Артемьев сын князь Разгильдеев, три родословные трех ветвей рода князей Ичаловых. В выписке из Ландратской переписи содержится упоминание об отбывании в Петербурге лашманной повинности мурзой Герасимом Учеватовым сыном князем Ичаловым, что в очередной раз подтверждает общность судеб нерусского служилого класса [4, д. 1063, л. 10].

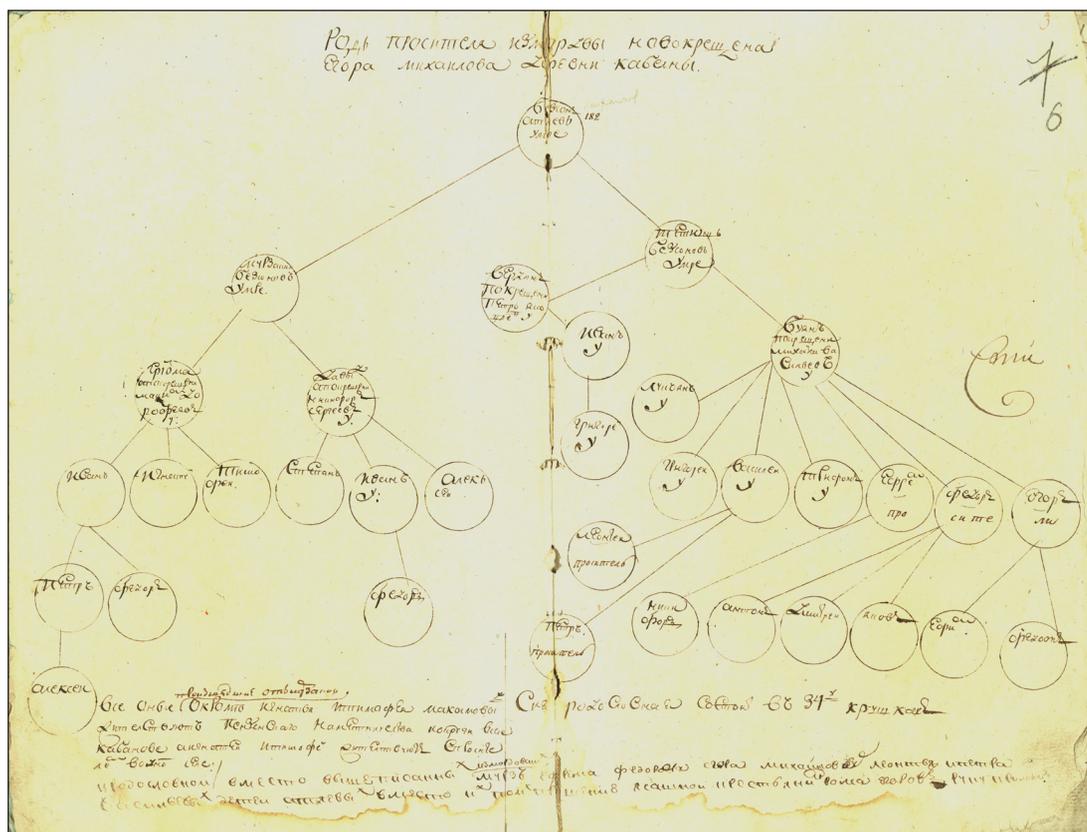
Получив одновременно с князем И. М. Ичаловым 14 января 1799 г. отказ на прошение как однодворцам, хотя «сабанча» были записаны в ревизиях как «новокрещены из мурз» [18], в отличие от своего кузена, сабановские мурзы не стали продолжать борьбу за восстановление в правах с началом правления императора Александра I. Сабановских мурз могли остановить стоимость тяжбы и ее длительный характер. Кроме того, в случае признания дворянства князя И. М. Ичалова остальные могли быть сопричислены через доказательство родства с просителем [9].

Все сабановские княжеские роды принадлежали в XVII в. к классу служилых людей. Фамилия князей Нагаевых рас-

пространена среди служилых инородцев. С уверенностью можно сказать, что из мордовских князей Нагаевых в Пензенских десятинях присутствуют два представителя: «Мордовские мурзы <...> по 100 четей, с городом по 5 рублей – Федор Нечасов (Нечаев) сын, князь Нагаев (родоначальник князей Нагаевых из прошения. – А. Д.), Бай Бердяев сын, князь Нагаев» [6, 41]. В Писцовой книге Дмитрия Пушечникова и Афанасия Костяева вместе с мурзой Михайлой Атяевым испомещены мурзы Тумай и Ведюшка Текюшovy. Мурза Тумай – предок князей Нагаевых, его титул нам открывается в Смотренном списке 1635/36 гг., а его племянник мурза Богдашка Велдюшев и мурза Бессон Михайлов названы в числе челобитчиков на отцовскую землю в отказной грамоте, приложенной просителями из Кобельмы [14, 172–189].

Имя князей Розгильдеевых еще более распространено, чем князей Нагаевых. В рядах пензенского дворянства встречаются представители Разгильдеевы татарского происхождения и новокрещены Розгильдеевы, об этнической принадлежности которых мы сказать ничего определенного не можем. К роду князей Розгильдеевых принадлежали знаменитый князь Баюш Розгильдеев и его брат. Следует ли причислить к этому роду мурзу Сабана Розгильдеева и сабановских князей Розгильдеевых, трудно сказать. В Пензенских десятинях приведены имена трех князей Разгильдеевых из «сабанчи»: «По 200 четей, с городом по 7 рублей, мордовские мурзы: Илья Кунаев сын, князь Разгильдеев <...> по 150 четей и денег с городом 6 рублей Иван Воинов сын Разгильдеев, Живай Артемьев сын, князь Разгильдеев (родоначальник князей Розгильдеевых из прошения. – А. Д.)» [6, 41].

Родоначальник мурз Атяевых князей Ичаловых мурза Михайло Атяев (Отяев) упомянут в писцовой книге Дмитрия Пушечникова и Афанасия Костяева: «Деревня Ичалы на речке на Евлейке Казабелевсково беляка, а в ней служилые мордовские мурзы: во дворе Михайло мурза Отяев» [14, 107]. Сын мурзы Михай-

Родословное древо просителей мурз Атяевых и князей Ичаловых. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 430. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.-6.

лы – мурза Бессон Михайлов указан среди владельцев земель на территории современных с. Безсоновка и г. Пензы [16]. Другой сын мурзы Михайлы – мурза Моска Михайлов указан в Смотренном списке 1635/36 гг., приведенном в опубликованной Писцовой книге Дмитрия Пушечникова и Афанасия Костяева. В Пензенских десятиях упомянуты три представителя рода князей Ичаловых: «По 200 четей, денег с городом по 7 рублевъ: Данила Нагаев сын, князь Ичалов. <...> По 100 четей, денег с городом 5 рублевъ: Живай Киндяев сын, князь Ичалов, Мурзакай Безсонов сын, князь Ичалов». Без указания фамилии Ичалов в десятиях мы встречаем еще одного родоначальника ветви князей Ичаловых – Емельяна Дуваева: «В нынешнем 190-м году, генваря в 15 день, по указу великого государя и по грамоте из Приказа Казанского дворца, поверстаны Алаторские Мордов-

ские мурзы по 100 четей, денег по 100 рублей – Емельян Дуваев» [6, 40]. Несмотря на отсутствие фамилии, потомки князя Емельяна ссылаются на запись в десятиях. В дальнейшем именно отсутствие фамилии стало одним из аргументов для отказа в восстановлении прав состояния дворянства. В копии Пензенских десятих XVIII в., позднее опубликованной, неверно указано имя мурзы Мурзакай Безсонова сына князя Ичалова – «Мурдакай». К сожалению, неверный вариант многократно цитировался.

Сравнительный анализ родословных рода князей Ичаловых позволяет сказать, что уже в XVII в. род мурз Атяевых князей Ичаловых был очень разветвленным, а в конце XVIII в. потомки не могли или не считали необходимым указывать пробанда в родословной. Наиболее древней является родословная кобельминской ветви рода, пожелавшей именоваться

Атяевыми по имени родоначальника мурзы Михайлы Атяева. Сама фамилия Атяев есть не что иное как дедичество, приведенное согласно русской норме обращения в отказной грамоте мурзе Безсону Михайлову сыну Атяеву. Она мола быть образована от мордовского имени Атяй или Отяй, пример такого имени мы встречаем у А. А. Гераклитова. Фамилия князей Ичаловых связана с их резиденцией – д. Ичалки (Ичалово, Ичалы) Козевельского беляка. Сведения об Ичалках приведены в писцовых книгах Дмитрия Пущечникова и Афанасия Костяева. Все попытки реконструкции общего древа носят гипотетический характер, по крайней мере до открытия новых источников.

Среди просителей различаются пять ветвей рода князей Ичаловых. Первая – потомки мурзы Тетюша Безсонова, переехавшая в с. Кобельма Самарского (Ставропольского) уезда. Вторая – потомки его старшего брата мурзы Мурзакая Безсонова князя Ичалова. Потомки князей Ичаловых, составляющие третью линию, называют родоначальником мурзу Данилу Ногаева или Мосаева (или Москаева) князя Ичалова, возможно, сына мурзы Моская Михайлова и внука мурзы Михайлы Атяева. Родоначальник четвертой линии мурза Емельян Дуваев (или Диваев) мог быть сыном мурзы Девайки Атяева, приведенного в Атемарских десятнях, который, в свою очередь, мог приходиться мурзе Михайле Атяеву сыном, младшим братом или племянником. Разброс в орфографии мордовских имен осложняет установление родственных связей и предоставляет определенный простор для размышлений и версий. Имя родоначальника пятой линии мурзы Живая Киндяева (или Кильдяева) князя Ичалова, к сожалению, не дает никаких версий для связывания с другими ветвями рода.

Прошения мордовских князей не принесли пользы просителям, несмотря на огромные усилия, ими приложенные, но для потомков – это бесценные свидетельства борьбы за права мордовской национальной аристократии. Разбирая мотивы составления прошений, сложно устоять

перед материалистическим объяснением. Действительно, мурзы надеялись на улучшение материальных условий своего существования, очевидна связь дел князя Ивана Максимовича Ичалова и сабановских князей с происходившим в то же время Генеральным межеванием и их желанием защитить свои четвертные земли, жалованные за военную службу, от посторонних посягательств. В жалобе тургаковских мурз есть прямое указание на необходимость доказательства благородного происхождения для защиты земельных владений [8, 402–405]. У мурз Мокшаевых, Атяевых такой материальный интерес отсутствовал, они давно потеряли всякую связь с земельными пожалованиями предков. Могли ли полученные права состояния дворянства кардинально изменить социальное и материальное положение просителей? В случае положительного решения мордовские мурзы становились бы российскими дворянами без крепостных и дворовых крестьян, с малыми земельными наделами, они не смогли бы принимать полноценное участие в жизни дворянских корпораций, не имели бы права голоса и многих других прав, т. е. заняли бы маргинальное положение, в котором и без них уже находилось достаточное количество дворян. Однако обретение дворянства могло стать первой ступенью дальнейшего социального восхождения.

Таким образом, очевидно, что материальные и корыстные интересы мордовских князей и мурз уступают морально-ценностным: быть свободными, иметь возможность служить и вести образ жизни, соответствующий благородному состоянию, сохранить родовую честь. Отказы, вынесенные Правительствующим сенатом и дворянскими депутатскими собраниями, объективны. Обвинять русских чиновников в предвзятости или антимордовских настроениях нельзя, они действовали в соответствии с законом, но крайне формально, нарушая важнейший принцип права следовать духу закона, а не букве, иными словами, подходили к решению дел с завышенным форма-

лизмом и юридической строгостью. Важным показателем был дворянский образ жизни, который большинство просителей уже не вели, возможно, лишь только стремились к нему, как, например, князь И. М. Ичалов [19]. Вероятно, именно это обстоятельство препятствовало вынесению положительных решений в первую очередь. Позиция государства согласовывалась со взглядом на благородное происхождение представителей придворной аристократии. Так, сенатор, князь Михаил Михайлович Щербатов – потомок владельцев князей Черниговских, внук окольничего царя Алексея Михайловича – в споре о статусе сибирских однодворцев в Новоуложенной комиссии заявил, что дети боярские «не есть состояние, но чин» [20, 98]. В российском дворянстве, происходившем или состоявшем в родстве с «детьми боярскими» и их потомками, в отношении мордовских мурз мы не находим совершенно никакой предвзятости, формализма или снобизма. Прощения князя И. М. Ичалова и князя И. Е. Ромаданова встречают сочувственный отклик у дворянских депутатов

Пензенского и Оренбургского собраний, которые многократно свидетельствуют в пользу истинности доказательств дворянства просителей. Возможно потому, что дела мордовских князей и мурз не являлись исключением в российской практике внесения в родословные книги, в пензенской и других дворянских корпорациях на протяжении XIX в. было немало благородных родов, включенных в родословную книгу, но не утвержденных Правительствующим сенатом. Однако фамилии Ичаловых среди пензенского дворянства нет. Можно предположить, что они не продолжили борьбу по причине отсутствия достаточных денежных средств. Подготовка прошения была делом дорогостоящим, один только взнос за внесение составлял 200 руб., за каждую заверенную копию, гербовую бумагу, услуги писцов, архивистов, судейских необходимо было заплатить.

В XIX в. большинство мордовских мурз смирились с положением государственных и удельных крестьян, и только единицы продолжили борьбу за права состояния дворянства.

Поступила 22.09.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Габдуллин, И. Р.* От служилых татар к татарскому дворянству / И. Р. Габдуллин. – Москва : Издательство Р. Ш. Кудашев, 2006. – 317 с.
2. *Герасимов, А. А.* Алатырская мордва по переписям 1624–1721 гг. / А. А. Герасимов. – Саранск : Мордгиз, 1936. – 87 с.
3. *Герасимов, А. А.* Избранное / А. А. Герасимов ; НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2011. – Т. 1. – 245 с.
4. *Государственный архив Пензенской области.* Ф. 196. Оп. 2. Д. 1334, 1062, 1063.
5. *Демидов, А. Н.* Служилая мордва в XVII–XVIII веках // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2016. – № 2. – С. 31–40.
6. *Десятни Пензенского края (1669–1696)* / под ред. А. П. Барсукова. – Санкт-Петербург : Археографическая комиссия, 1897. – 472 с.
7. *Документы и материалы по истории Мордовской АССР* / НИИЯЛИ при Совете Ми-
1. *Gabdullin, I. R.* (2006), From servicemen Tatars to the Tatar nobility, Moscow: R. Sh. Kudashhev Press.
2. *Heraclitov, A. A.* (1936), Alatur Mordovian by Census 1624–1721, Saransk: Mordgiz.
3. *Heraclitov, A. A.* (2011), Selected works, Vol. 1, Saransk: NIIGN.
4. *The State Archives of the Penza region,* F. 196. Op. 2. D. 1334, 1062, 1063.
5. *Demidov, A. N.* (2016), Mordovian Servicemen in XVII–XVIII centuries, Humanities: current problems of the humanities and education, № 2, p. 31–40.
6. *Barsukov, A. P.* ed. (1897), Desyatni of Penza Region (1669–1696), Saint Petersburg Archaeological Commission.
7. *The documents and materials on the history of the Mordovian ASSR* (1939), Vol. 3, P. 1, Saransk: NIYALI.
8. *Documents and materials on the history of the Mordovian ASSR* (1952), Vol. 3, Part 2, Saransk: NIYALI.

- нистров Мордов. АССР. – Саранск, 1939. Т. 3, ч. 1. – 343 с.
8. *Документы и материалы по истории Мордовской АССР / НИИЯЛИ при Совете Министров Мордов. АССР. – Саранск, 1952. Т. 3, ч. 2. – 654 с.*
  9. *Жалованная грамота благородному российскому дворянству. – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1817. – 96 с.*
  10. *Заварюхин, Н. В.* Были ли у мордвы князья? // На перекрестке мнений / отв. ред.: Ю. Ф. Юшкин, В. А. Юрченков. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1990. – С. 67–74.
  11. *Заварюхин, Н. В.* Очерки по истории Мордовского края периода феодализма / Н. В. Заварюхин. – 2-е изд. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2009. – 294 с.
  12. *Мокшин, Н. Ф.* Из истории крещения мордвы (по материалам Шацкого уезда) // Социально-политические науки. – 2014. – № 14. – С. 16–19.
  13. *Мустафина, Д. А.* Историкографические аспекты истории служивых татар // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2009. – Т. 151, кн. 2, ч. 2. – С. 7–18.
  14. *Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов : публ. текста / сост.: В. Кочетков, М. Акчурин. – Москва ; Нижний Новгород : Медина, 2012. – 202 с.*
  15. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. I. Ул. XVI, 41.*
  16. *Полубояров, М. С.* Ровесница Пензы // Земство. – 1995. – № 4.
  17. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 286. Оп. 2. Кн. 68, 79.*
  18. *РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2561. Л. 813.*
  19. *Свод законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. – 572 с. – Т. 9, ст. 241.*
  20. *Семевский, В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века / В. И. Семевский. – Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1888. – Т. 1. – 518 с.
  21. *Тюстин, А. В.* Исследователь ранней истории Пензы Иван Александрович Тихомиров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://penzahroniki.ru/index.php/verkhnee-menu/tyustin-a-v/410-issledovatel-rannej-istorii-penzy-ivan-aleksandrovich-tikhomirov>. – Дата обращения: 20.09.2016.
  22. *Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 430. Оп. 1. Д. 2.*
  9. *Charter to the noble Russian nobility, Saint Petersburg: Senate printing office, 1817.*
  10. *Zavaryuhin, N. V.* (1990), Were there Mordovians dukes?, At the crossroads of opinions, in Yushkin, Y. F., Yurchenkov, V. A. eds, Saransk: Mordovian Press, p. 67–74.
  11. *Zavaryuhin, N. V.* (2009), Essays on the history of the Mordovia at feudalism, Saransk: Mordovia University Press.
  12. *Mokshin, N. F.* (2014), From the history of the baptism of Mordovians (based on Shatsky County), Socio-Political Sciences, № 14, p. 16–19.
  13. *Mustafina, D. A.* (2009), Historiographical aspects of the history of Servicemen Tatars, Academic notes of the Kazan University, “Humanities” series, Vol. 151, Book 2, P. 2, p. 7–18.
  14. *Kochetkov, V., Akchurin, M., eds.* (2012), Cadastres of Tatar lands of Alatyр County in 1624–1626, Moscow, Nizhny Novgorod: Medina.
  15. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649 (1830), Ul. XVI, Vol. I, 41, Saint Petersburg: Second Department Press of E. I. V. Chancellery.*
  16. *Poluboyarov, M. S.* (1995), A peer of Penza, Zemstvo, № 4.
  17. *The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 286. Op. 2. Pr. 68, 79.*
  18. *RGADA. F. 350. Op. 2. D. 2561. L. 813.*
  19. *The Code of Laws of the Russian Empire, Vol. 9, Art. 241, Saint Petersburg: Second Department Press of E. I. V. Chancellery, 1857. – 572 p.*
  20. *Semevsky, V. I.* (1888), On peasants in Russia in the XVIII century and the first half of the XIX century, Vol. I, Saint Petersburg: “Obshchestvennaya pol’sa” Press.
  21. *Tyustin, A. V.* Ivan Tikhomirov, researcher of early history of Penza, available: <http://penzahroniki.ru/index.php/verkhnee-menu/tyustin-a-v/410-issledovatel-rannej-istorii-penzy-ivan-aleksandrovich-tikhomirov> [accessed 20 September 2016].
  22. *Central State Archive of Samara region. F. 430. Op. 1. D. 2.*